

УДК 811

10.00.00 Филологические науки

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДЕФИНИЦИИ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСИВНО-ТЕКСТОВОМ УНИВЕРСУМЕ

Хитарова Елена Георгиевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии факультета романо-
германской филологии
SPIN-код 5710-0409
*Кубанский государственный университет,
г. Краснодар*

В статье проводится анализ законодательных дефиниций и их влияние на формирование правового дискурсивно-текстового универсума. Лингвистика вклинивается в юриспруденцию посредством внедрения мини-словаря в ядро закона. Закон представляет собой соединение юридических норм, правил и филологической жемчужины – тезауруса. Внедрение дефиниции в закон не только целесообразно, но необходимо, так как в зависимости от целей и задач закона может меняться значение того или иного термина. В статье анализируется законодательство Краснодарского края в филологическом аспекте. Выбор рассматриваемых законов обусловлен как аграрной составляющей региона, так и наличием мощной базы туристическо - рекреационных услуг. В статье присутствует региональный законодательный фактологический материал. Указаны конкретные действующие законы, даны филологические оценки их языковой и законодательной значимости, отмечено, что в основополагающих нормативных актах присутствует понятийный аппарат. Затронут вопрос методологической базы анализируемого материала. В исследовании также проведён сопоставительный анализ правового дискурсивно-текстового универсума сходных законов Краснодарского края, Великобритании и южных штатов США. Представлены выводы, которые позволяют определить процессы языковой интерференции в сегодняшней меняющейся картине мира

Ключевые слова: КОМПАРАТИВИСТИКА, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ, МЕСТНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ДИСКУРС, ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ, ЯЗЫК И ПРАВО

Doi: 10.21515/1990-4665-125-019

UDC 811

Philological sciences

LEGISLATIVE DEFINITIONS IN LAW DISCOURSE-TEXT UNIVERSE

Khitarova Elena Georgievna
Cand.Philol.Sci., associate professor
SPIN-code 5710-0409
Kuban State University, Krasnodar, Russia

The article is devoted to the analysis of law definitions and its influence on law discourse-text universe. Linguistics can interfere into jurisprudence by introduction of mini-dictionary into the text of the law. Law is a mixture of legal norms and regulations plus philological pearl – thesaurus. It is not only reasonable but necessary to adopt definition to the body of law, because the meaning of the term can vary depending on goals and aims of the law. The legislation of the Krasnodar territory is analyzed in the article in the philological aspect. The choice of examined laws is proved not only because of the agrarian component of the region but also because of the presence of powerful base of tourist-recreational services. In the article there is regional evidential material. The exact actual laws are depicted, philological assessment of their language and legislative importance is given, it is mentioned that conceptual instrument is present in main normative acts. The problem of methodological basis is actualized. In the research the contrastive analysis of similar laws of the Krasnodar territory, Great Britain and southern states of the USA in discourse-text universe is conducted. The conclusions can determine the processes of language interference in today's changeable picture of the world

Keywords: COMPARATIVE LAW, COMPARATIVE ANALYSIS, LEGISLATIVE DEFINITIONS, LOCAL LEGISLATION, DISCOURSE, LAW DISCOURSE, EXTRALINGUISTIC PARAMETERS, LANGUAGE AND LAW

В статье рассматриваются законодательные дефиниции, уровень их влияния на формирование правового дискурсивно-текстового универсума в английском и русскоязычном юридическом поле; анализируется интервенция лингвистики в трактовку законодательных актов, так как закон представляет собой слияние юридических норм, правил и языковой основы – тезауруса.

Вопросу использования законодательных дефиниций в профильной литературе уделяется достойное место. Т.А. Васильева, А.В. Парфенов, Л.Н. Ушакова, М.Д. Хайретдинова, М.В. Чиннова и другие исследователи в своих научных трудах сходятся в едином понимании необходимости использования дефиниций в законодательных актах. «Дефиниция – объяснение, толкование, истолкование, определение слова, понятия или предмета». [2]

«Включение дефиниции термина в законопроект необходимо, если словарное значение слова является слишком неясным, слишком общим или слишком узким для целей конкретного законопроекта либо имеет несколько значений. Нельзя обойтись без определения и в том случае, если, с точки зрения законодателя, термин очень важен и поэтому в отношении обозначаемого им понятия не должно быть никаких кривотолков и сомнений». [1] С этим фактом сложно не согласиться. *Цель* данной статьи – исследовать некоторые сложности и тенденции современного законотворчества в англо- и русскоязычном дискурсивно-текстовом универсуме.

«Весь массив устных и письменных произведений, созданных на определенном языке, можно считать универсумом, поскольку в этой совокупности рече-языковых единиц содержатся абсолютно все универсальные и специфические черты, особенности, дискурсивно-текстовые процессы и их результаты, находящиеся в ведении лингвистики. Под термином «дискурсивно-текстовой универсум» понимаются не какие-

либо отдельные группы словесных произведений или их единицы, а общее лингвистическое понятие как предмет изучения теории языка». [11] Дефиниция – это логическое обозначение слова, придающее определённый смысл терминам. Проникновение дефиниции в трактовку или толкование закона в отдельно взятой языковой среде не только целесообразно, но и необходимо, так как в зависимости от целей и задач может меняться смысловая нагрузка того или иного термина. Важно присутствие законодательного определения, то есть дефиниции в тексте закона. Законотворчество, правоприменение – территория прагматичности. Создание «языковых фильтров», запрещающих двоякое понимание закона, исключение так называемых «юридических лазеек» и инвариантов, - процесс, при котором происходит смещение юридического поля в поле лингвистики.

Данный аспект может усложняться при столкновении с многозначными понятиями. Так, в настоящее время, и это один из ярких примеров, дискуссионным вопросом в русском языке являются понятия «нация» и «народ», в сравнении с английским “nation”.

Важно уяснить и определение правового дискурса как дискурсивно-текстового универсума текстов юридической направленности. Понятийная сетка включает в себя результативное влияние законодательной дефиниции.

«Дискурс, понимаемый как текст, погружённый в ситуацию общения, допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, ... определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания». [3]

Языковая лексико-семантическая интеркаляция английского и русского языков в современном словаре представляет собой естественный эволюционный процесс и сравнительное правоведение дополняется языковым сопоставлением. Так, неологизм *brexit* (*Britain* – Британия и *exit* – выход) в русском языке [брэкзит] – выход Великобритании из Европейского союза; *bill* – билль, законопроект; *impeachment* – импичмент, недоверие, освобождение от должности главы государства по процедуре и основаниям, предусмотренными законами.

В контексте данного исследования внимание фокусируется на совершенствовании действующего законодательства сквозь определённые языковые нормы, языковая точность определений играет в этом значительную роль. Результаты «размытых» дефиниций прослеживаются в поправках к законам, как в русскоязычном, так и в англоязычном законодательстве.

«Анализ языка права в когнитивно-герменевтическом плане неизбежно вскрывает не только правовые, но и социокультурные аспекты взаимодействия языка и права. Важнейшим источником права признаётся культура, вбирающая в процессе эволюции социальный опыт, который выражается в общеобязательных правилах поведения личности в социуме. Именно единое пространство культуры опосредует связь языка права с важнейшими формами средствами существования социума. Среди последних, важное место занимает язык, являющийся специфическим социальным средством хранения и передачи информации, а также управлением личности. Как установлено, для своей реализации право требует социального признания». [15]

В этой связи важна и языковая личность, действующая в юридическом дискурсе. Языковая личность в профессиональном поле имеет три структурных уровня:

- вербально-семантический;

- когнитивный;
- прагматический. [4]

Языковая личность, участвующая в правовом дискурсе, прежде всего, обозначена рамками прагматичности. В свете рассматриваемого вопроса интерес представляет не просто *homo sapiens*, а именно – личность, носитель языка, человек, обладающий профессиональным и жизненным опытом, имеющий адекватный уровень образования, обладающий пониманием речевого и юридического поведения. Мироззренческие и моральные составляющие также входят в систему мотивационных факторов. Присутствие дефиниций в правовом дискурсивно-текстовом универсуме важно рассматривать с позиций оценочной шкалы, так как выполняются базовые функции языка – передача информации (коммуникативная) и мыслеформирующая (производство и выражение мысли). Уместно подчеркнуть наличие равенства между точностью языкового инструментария и правоприменением законов.

Несомненно, важны экстралингвистические факторы, влияющие на отбор речевых средств в правовом дискурсивно-текстовом универсуме. «Чтобы учесть все аспекты дела и вынести правильную оценку, необходимо привлекать огромный массив энциклопедических сведений общекультурного, национально-специфического, индивидуально-личностного психологического характера. Лингвистические экспертные исследования юридических текстов и дискурсов ведутся в русле антропологической парадигмы и прагматики. В наибольшей степени при этом акцентируются вопросы категории субъекта, интенции (умысла), категории события и оценки (категории факта и мнения), модальности текста, проблем его декодирования. Юридический дискурс может рассматриваться, с одной стороны, как явление универсальное – по факту

наличия правовой системы в государстве, а с другой стороны – как явление сугубо национальное». [11]

Языковые инвестиции в построении правовой системы любого государства трудно переоценить. Так, в дореволюционной России законы толковались, но строго соблюдался запрет на их искажение. «Толковать закон – раскрывать истинный смысл его, изъяснять волю законодателя, облечённую в форму слова». [5]

Справедливым считается мнение Т.А. Васильевой о том, что «принцип правовой определённости нашёл отражение и в практике Конституционного Суда РФ. В своих решениях судьи неоднократно подчёркивали, что из конституционных принципов правового государства, равенства и справедливости вытекает обращённое к законодателю требование определённости, ясности, недвусмысленности правовой нормы и её согласованности с системой действующего правового регулирования. Как указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях, неопределённость содержания правовой нормы не может обеспечить её единообразное понимание, создаёт возможность злоупотребления исполнительной властью своими полномочиями, порождает противоречивую правоприменительную практику, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к произволу и, следовательно, к нарушению принципа равенства, а также верховенства закона». [1]

«В современном российском законодательстве наблюдается устойчивая тенденция роста количества законодательных дефиниций. ... Нельзя не учитывать желание законодателя именно в такой форме дать выход своему естественному стремлению изначально повлиять на процесс применения закона, дать официальное, аутентичное толкование возможно большему числу понятий, используемых в источнике права. Тем самым он пытается уменьшить зависимость применения закона от

общеупотребительного толкового словаря русского языка, который не успеваешь реагировать на появление новых значений понятий и категорий, на возникновение альтернативных вариантов традиционных терминов». [6]

Анализируя законодательство Краснодарского края с филологической точки зрения следует отметить, что в основополагающих нормативных актах присутствует понятийный аппарат. Например, №1955-КЗ «Закон о хлебе», №3453-КЗ «О развитии чаеводства на территории Краснодарского края», №2536-КЗ «О сельских усадьбах в малых сельских населённых пунктах Краснодарского края», №1690-КЗ «О развитии сельского хозяйства в Краснодарском крае», №142-КЗ «О виноградарстве и производстве продуктов переработки винограда в Краснодарском крае» и других. Выбор данных законов обусловлен именно аграрной составляющей региона, имеющего прямую сельскохозяйственную направленность. Кроме этого, край обладает и обширной базой туристическо-рекреационных ресурсов и услуг, что находит отражение в следующих нормативно-правовых актах - №938-КЗ «О туристской деятельности в Краснодарском крае», №3110-П «Развитие органического земледелия, производство экологических продуктов питания и агротуризма в Краснодарском крае» и в некоторых других. Действенным, положительным фактором является отсутствие терминологической размытости, многозначности и двойного толкования.

Целесообразно привести часть сравнительного анализа понятий «хлеб» в законе Краснодарского края и в Законе Великобритании “The Bread and Flour Regulations”, № 141, 1998 г. (Нормы о хлебе и муке). «Определения хлеба в законодательстве двух стран частично совпадают: хлеб – пищевой продукт, выпекаемый по традиционным технологиям (опарным способом) из пшеничной хлебопекарной муки или смеси пшеничной хлебопекарной и ржаной муки высокого качества, дрожжей, соли и воды (№ 1955-КЗ); хлеб – пищевой продукт любого размера и

формы, состоящий из муки и воды с/или без других ингредиентов, ферментированный дрожжами или любым другим способом, полностью или частично пропечённый. Под определение не попадают булочки, разные виды национального хлеба, хлеб из картофельной муки и хлеб, изготовленный специально для лиц, страдающих желудочными заболеваниями (“The Bread and Flour Regulations”, № 141)». (перевод – Е.Х.) [13]

А также верным является сравнение определений «агротуризм» в Краснодарском крае и в законодательстве США. В российском законодательстве агротуризм «следует рассматривать также как одну из разновидностей экологического туризма, предполагающую предоставление соответствующих туристских услуг и средств размещения в сельской местности. При этом происходит погружение в сельскую жизнь: участие в сельскохозяйственных работах, в сборе урожая, ягод, овощей, в кормлении животных, предлагаются блюда традиционной национальной кухни, приготовленные из натуральных продуктов. Разновидностью агротуризма является совмещение работы с отдыхом, когда участвующий в сельскохозяйственных работах турист получает скидку на оплату жилья и питания. (Краевая целевая программа «Развитие органического земледелия, производства экологических продуктов питания и агротуризма в Краснодарском крае на 2013-2016 годы»). Данное определение имеет повышенную информативность, логически изложено, придаёт программе согласованность. Разновидностью туризма является агротуризм, который в свою очередь включает в себя кроме прочего ещё и совмещение работы с отдыхом. Суть программы не отражена в дефиниции, хотя она включает в себя занятость местного населения, субъектов малого предпринимательства, собственников туристических мест, возможность этнографического и культурного развития, экономически эффективное устойчивое развитие региона, экологическую и природоохранную

составляющую. ... Интерес представляет сравнение термина «агротуризм» в законодательстве США. Кодекс штата Флорида, Параграф 570.961. представляет такое определение: «Деятельность в сфере агротуризма» – деятельность на ферме или ранчо, которая позволяет членам общественности с рекреационными, развлекательными или образовательными целями наблюдать или наслаждаться видами деятельности в сельских районах, включая фермерство, деятельность на ранчо, историческая, культурная, «собери-свой-урожай» деятельность или деятельность, связанная с природой или другими развлечениями. Деятельность является деятельностью в сфере агротуризма вне зависимости от того заплатил ли за неё участник». (перевод – Е.Х.) ... Дефиниция в законодательстве Краснодарского края отражает социальную направленность развития региона в сфере агротуризма. Напротив, законодательство США в большей степени нацелено на туристические услуги, рекреационный потенциал. Схожими чертами обеих дефиниций является привлечение внимания к культуре и истории регионов. [10]

В сегодняшней стремительно меняющейся картине мира, в потоках усиливающихся противоборствующих информационных и кибертехнологических войн, в практике применения норм международного права представляется противоестественным остановить процессы языковой интеркаляции и интервенции.

Список литературы

1. Васильева Т.А. Как написать закон. М.: Юрайт, 2012, с.88
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т.1. СПб «Диамант», 1996. – 800с.
3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. трудов ВГПИ / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. - 228 с., с. 5
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: 1987
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. <http://civil.consultant.ru>
6. Парфенов А.В. Синтетическая законодательная дефиниция как особая юридическая конструкция. Юридическая техника. 2013 № 7 (ч.2).

7. Соболева А.К. Законодательная дефиниция как способ преодоления многозначности слова в юридическом дискурсе. Юридическая техника. 2007. №1
8. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая тличность. М.: 1987
9. Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юр. наук: - Нижний Новгород, 2008. - 189 с.
10. Хитарова Е.Г. Анализ законодательной дефиниции «агротуризм» в законодательстве Российской Федерации и США (филологический аспект) // Законность и правопорядок в современном обществе. Сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции 27 февраля 2015. Издательство «Центр развития научного сотрудничества», Новосибирск, 2015
11. Хитарова Е.Г. Дискурсивные структуры экологической тематики в лингвистическом и правоведческом аспектах. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Краснодар, 2003, с. 9
12. Хитарова Е.Г. Политический и законотворческий дискурсы: точки соприкосновения и различия // Политический дискурс в парадигме научных исследований. Материалы III международной заочной научно-практической конференции. Тюменский государственный университет. Тюмень, 2016
13. Хитарова Е.Г. Сравнительная характеристика законодательства о хлебе // Социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное развитие регионов. Материалы IV международной научной конференции 25-26 октября 2014. Социосфера. Прага, 2014. с. 66
14. Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых акта: Дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. - 177 с.
15. Шипков К.А. Когнитивно-деривационный и интерпретационный потенциал языка права (на материале терминосферы «Теория государства и права»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 21 с.

References

1. Vasil'eva T.A. Kak napisat' zakon. M.: Jurajt, 2012, s.88
2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 tt. T.1. SPb «Diamant», 1996. – 800s.
3. Karasik V.I. O tipah diskursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: Sb. nauch. trudov VGPI / Pod red. V.I. Karasika, G.G. Slyshkina. – Volgograd: Peremena, 2000. - 228 s. s. 5
4. Karaulov Yu.N. Ruskij yazyk i jazykovaja lichnost. M.: 1987
5. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. <http://civil.consultant.ru>
6. Parfenov A.V. Sinteticheskaja zakonodatel'naja definicija kak osobaja juridicheskaja konstrukcija. Juridicheskaja tehnika. 2013 № 7 (ch.2).
7. Soboleva A.K. Zakonodatel'naja definicija kak sposob preodolenija mnogoznachnosti slova v juridicheskom diskurse. Juridicheskaja tehnika. 2007. №1
8. Tihomirov Ju.A. Kurs sravnitel'nogo pravovedenija. M., 1996
9. Hajretdinova M.D. Zakonodatel'naja definicija: problemy teorii i praktiki: Dis. ... kand. jur. nauk: - Nizhnij Novgorod, 2008. - 189 s.
10. Hitarova E.G. Analiz zakonodatel'noj definicii «agroturizm» v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii i SShA (filologicheskij aspekt) // Zakonnost' i pravoporjadok v sovremennom obshhestve. Sbornik materialov HHIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 27 fevralja 2015. Izdatel'stvo «Centr razvitija nauchnogo sotrudnichestva», Novosibirsk, 2015

11. Hitarova E.G. Diskursivnye struktury jekologicheskoy tematiki v lingvisticheskom i pravovedcheskom aspektah. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Krasnodar, 2003, s. 9

12. Hitarova E.G. Politicheskij i zakonotvorcheskij diskursy: tochki soprikosnovenija i razlichija // Politicheskij diskurs v paradigme nauchnyh issledovanij. Materialy III mezhdunarodnoj zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tjumenskij gosudarstvennyj universitet. Tjumen', 2016

13. Hitarova E.G. Sravnitel'naja harakteristika zakonodatel'stva o hlebe // Social'no-jekonomicheskoe, social'no-politicheskoe i social'no-kul'turnoe razvitie regionov. Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 25-26 oktjabrja 2014. Sociosfera. Praga, 2014. s. 66

14. Chinnova M.V. Definicii i ih ispol'zovanie v normativno-pravovyh akta: Dis. ... kand. jur. nauk. M., 2004. - 177 c

15. Shipkov K.A. Kognitivno-derivacionnyj i interpretacionnyj potencial jazyka prava (na materiale terminosfery «Teorija gosudarstva i prava»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol', 2004. – 21 s.